

другъ, онъ и къ врагамъ, относится добродушно («чудаки-меньшевики»). Даже не забывает помолиться за нихъ Богу («Окоцилъ чтение «Современныхъ Записокъ». Черезъ всю книжку красной нитью проходить мысль, что въ психологии современной «демократіи» что то смѣшается... Настави ее, Господи, на путь истинный», 404).

Но наша вина, что начатая нами серьезно статья кончается фарсомъ. Такова уже логика разбираемаго нами матеріала. Мы старались быть возможно болѣе безпристрастными, понять евразійцевъ въ ихъ чтивахъ, уступить имъ все, что только можно уступить. И сейчасъ, послѣ всего сказаннаго выше, мы не отрицаемъ наличия у нихъ извѣстной духовной зоркости, чувства Россіи, даже чувства дѣйствительности. Но все это очень далеко отъ «новой точки зрѣнія», отъ новой «идеологии». Притязаніе дать такую есть, какъ мы видѣли выше, покушеніе съ явно недобрыми средствами. Думается

поэтому, что евразійцамъ не удержатъ нажитаго въ изголодавшейся по новой идеологии эмиграціи усилѣха. Не удержатъ имъ также поэтому и единства: «правые и лѣвые евразійцы и евразійскій центръ» (393) неминуемо расколоты между собою. Безсилные создать «идеологию» и присужденные бездѣйствовать въ эмиграціи, они только безнадежно повторяются и топчутся на мѣстѣ. «Общественной жизнью, стычками, диспутами» не выиграть «борьбы за евразійство», какъ бы ни мечтали объ этомъ И. Садовскій (405), полагающій, что евразійство «стоитъ того, чтобы его упорно долбить и повторять». Топтаніе на мѣстѣ не есть тотъ цементъ, которымъ можетъ держаться единство движенія. Последовавшій за выступленіемъ М. Шахматова энергичный обстрѣлъ евразійства въ «Возрожденіи» его недавними друзьями есть явный симптомъ начинающагося уже распада.

С. И. Гессенъ.

Государство и Соціализмъ

Въ своей интересной и содержательной статьѣ «Русскій социализмъ и государство», помѣщенной въ № 23 *Современныхъ Записокъ*, М. В. Вишнякъ затронулъ рядъ проблемъ, далеко выходящихъ за предѣлы той или иной оцѣнки русскаго социализма. Та категоричность, съ какой М. Вишнякъ беретъ

подъ свою защиту пониманіе социализма, какъ «огосударствленіи», та рѣшительность, съ какой онъ отстаиваетъ всеохватывающую компетенцію политической организаціи, быть по большинству современныхъ попытокъ освободиться отъ отношеній «централистскаго» социализма и по новому разрѣшить

проблему «обобществления» хозяйства. Не знаю входило ли последнее в намерение автора; думаю, что скорее нѣтъ, чѣмъ да, и что впечатлѣніе, вызываемое во мнѣ его статьей, въ значительной степени обусловлено чрезмѣрной общностью даваемыхъ формулировокъ. Задача послѣдующихъ строкъ и будетъ заключаться въ попыткѣ точно разграничить проблемы, связанныя съ вопросомъ объ отношеніи социализма къ государству, дабы показать, что тезисы Вишняка нуждаются въ существенномъ ограниченіи, чтобы стать убѣдительными и безспорными для всякаго «эволюціоннаго социалиста».

1.

Прежде всего необходимо строго разграничивать вопросъ объ отношеніи социализма къ праву и объ отношеніи социализма къ государству. Это далеко не одно и то же. Современное правовѣдѣніе все болѣе преодолеваетъ характерную для юридическаго позитивизма XIX вѣка «государственную теорію права», сводящую всякое положительное право къ величію государственной власти. Право, и въ частности положительное право, есть стихія несоизмѣримо болѣе широкая, чѣмъ государство; оно всюду гдѣ есть организованное общеніе между людьми, въ какую бы форму послѣднее ни вливалось. Государство есть только одна изъ возможныхъ разновидностей положительнаго правапорядка. Государство не надъ правомъ и не тождественно съ правомъ:

въ широкомъ кругѣ права государство нѣкій болѣе узкій кругъ. Надъ государствомъ — въ видѣ междупароднаго права, внутри государства — въ видѣ права автономныхъ общественныхъ организаций (права статутарнаго и права соглашеній) и обычнаго права, рѣшетъ положительный правопорядокъ, независимый отъ государства. Въ разныхъ историческія эпохи по разному рѣшался вопросъ о вліяніи государства на положительный правопорядокъ, выражаясь образно объ объемѣ, занимаемомъ болѣе узкимъ кругомъ государственнаго правапорядка въ болѣе широкомъ кругѣ правопорядка вообще: объемъ этотъ сводился до минимума въ первоначальныхъ фазахъ государственнаго бытія; въ извѣстные моменты достигалъ максимальнаго напряженія, напримеръ, въ эпоху Юстиніана и въ XVIII и XIX-мъ вѣкѣ, когда государство пыталось монополизировать все правотворчество, въ другія эпохи сильно колебался; а въ теченіе развитого средневѣковья, когда только условно можно говорить о существованіи государственной формы, по существу почти что достигалъ нуля...

Принимая все это во вниманіе необходимо раздѣльно рѣшать вопросъ о пріятіи права и о пріятіи государства. Право-категорія метафизическая. Государство — категорія историческая. Пріять право необходимо безусловно и видъ безусловнаго пріятія, или абсолютнаго отрицанія, никакого другого отношенія къ праву быть не можетъ. Государство

возможно принимать условно и стремиться къ ограниченію его значенія въ правовой жизни не впадая ни въ какое противорѣчіе. Соціализмъ, проявляющій скепсисъ къ праву, есть всегда чистѣйшій утопизмъ; ибо онъ отрицаетъ свою основную посылку, въ которой рѣчь объ «организациіи хозяйства», объ устраненіи «анархіи производства» теряетъ всякій смыслъ. Какое бы рѣшающее значеніе ни придавать духовно-правственнымъ основамъ социализма, въ своемъ внѣшнемъ обнаруженіи социализмъ означаетъ прежде всего внѣдреніе права въ глубины хозяйственной жизни, торжество правопорядка въ новой области. *Социализмъ есть прежде всего проблема права и его первѣйшей міросозерцательной предпосылкой является нравственное оправданіе права, какъ безусловно обязательныхъ правилъ поведения, безоговорочное пріятіе права, какъ необходимой связи между относительнымъ и абсолютнымъ. Величайшій метафизическій порокъ всѣхъ видовъ утопическаго социализма, вплоть до марксизма включительно, есть равнодушное и по большей части скептическое отношеніе къ праву; подмѣна права понятіемъ блага. Утопическій социализмъ отрицательно относился къ государству лишь черезъ свой скепсисъ къ праву: онъ не въриль въ возможность правового устройства государства. Напротивъ предъ стихіей сверхправового владыкованія утопическій и революціонный социализмъ всегда преклонялся. Достаточно сос-*

латься на примѣры, приводимые самимъ Вишнякомъ. Сень-Симонъ склонялся къ іерократіи и теократіи, Оуэнъ возлагалъ надежды на просвѣщенный деспотизмъ, Фурье, въ частности, на Наполеона; Марксъ и Энгельсъ, отрицая право, какъ «буржуазный институтъ», стремились въ будущемъ «сдать государство въ музейный архивъ» лишь за его связь съ правомъ: они одновременно не только вървали въ чудодѣйственную роль внѣправовой «диктатуры пролетаріата» въ переходную эпоху, но и мыслили конечную форму социализма въ видѣ безграницной власти центра, одицетворяющаго коллективъ, надъ отдѣльными личностями; государство отрицаетъ здѣсь, но Марксу, только потому, что снимается правовая граница между личностью и цѣлымъ и первая всецѣло растворяется въ послѣднемъ; — не вслѣдствіе ослабленія власти, а въ силу ея безграницаго усиленія, такъ что на мѣсто государства ставится механической централизованный автоматъ*).

Та же въ общемъ картина наблюдается и въ русскомъ социализмѣ (объ утопическихъ традиціяхъ котораго съ такимъ искусствомъ повѣствуетъ Вишнякъ). И здѣсь въ корнѣ утопізма лежитъ скептическое отношеніе къ праву, часто сопровождающееся мистическимъ преклоненіемъ передъ внѣправовыми формами владыкованія. Покойный блестящій русскій

*) См. П. Новгородцевъ. Объ общественномъ идеалѣ, III изд. 1921 г., стр. 228-229.

государствѣ Б. А. Кистяковскій въ своей извѣстной статьѣ «О правосознаніи въ Россіи» давно подчеркивалъ, что основной порокъ русской культурной традиціи вообще, есть недостаточное уваженіе всѣхъ слоевъ русскаго общества къ праву въ его объективности. Мудрено ли, что правовой скепсисъ западныхъ социалистовъ упалъ здѣсь на благодарную почву. И глубоко характерно, что и здѣсь отрицательное отношеніе къ государству есть явленіе производное, а не первоначальное: государство отвергается только какъ правовой институтъ, напротивъ государство, какъ виѣрсовая властвующая стихія, импонируетъ очень многимъ... Хорошо извѣстна славянофильская идея русскаго муниципала царя, власть котораго основана только на религиозныхъ и нравственныхъ моментахъ; славянофилы такимъ образомъ вовсе не непосредственные отрицатели государства; они только отрицатели права. Самъ Вишнякъ съ большой мѣткостью пишетъ: «Скептическое отношеніе къ благамъ политической свободы въ теченіе долгаго времени сочеталось съ сочувствіемъ идеѣ социальной монархіи, т. е. освобожденія народа вѣдѣніемъ царя. Эту мечту лелѣли не только славянофилы, но и Герцель; короткое время Чернышевскій, даже Бакуинин...». Совершенно очевидно, что «скепсисъ къ благамъ политической свободы» происходилъ не отъ недостаточной оцѣнки государства и власти (значеніе которой переоцѣнивалось), а

отъ метафизическаго порока неуваженія и непониманія значенія права. Все остальное было только послѣдствіемъ этого исконнаго недуга.

Въ частности таковъ послѣдній корень социалистическаго «деструктивнаго» революціонизма. Вѣра въ чудесное преображеніе, благодаря социальной революціи, есть прямой результатъ правового скепсиса и поклоненія передъ виѣрсовой стихіей власти; революціонное насиліе и катастрофа ставятся на мѣсто власти и должны творить приписываемыя послѣдней чудеса. И глубоко согласенъ съ Вишнякомъ, когда онъ пишетъ: «Утопизмомъ были заражены, увь! далеко не одни только классическіе утописты. Имъ былъ зараженъ почти весь международный социализмъ; но я долженъ рѣшительно разойтись съ нимъ, когда онъ прибавляетъ: «Утопичны были не столько цѣли социализма, сколько его средства». Нѣтъ! необходимо пойти дальше и прямо признать, что утопичны были одинаково и цѣли, и средства. Средства невозможно отрывать отъ цѣлей: они сами часть цѣлей; порокъ въ средствахъ всегда указываетъ на порокъ въ цѣляхъ. И очевиднымъ порокомъ цѣли социализма былъ скепсисъ къ праву, было отсутствіе сознанія, что социализмъ какъ таковой, а не только пути къ социализму, есть прежде всего проблема права, что социализмъ возможенъ только какъ правовой социализмъ или невозможенъ вовсе.

И глубоко характерно, что мыслители, усматривавшіе въ

вопросъ хозяйственнаго переустройства прежде всего проблему права, рѣшительно ставившись на точку зрѣнія эволюціонизма и реформизма, совершенно независимо отъ или отъ цѣнки государства. Недаромъ въ этомъ вопросѣ сходились два такихъ антипода какъ вдохновенный апологетъ государства, Лассаль и глубочайшій антиэтатистъ Прудонъ, одинаково безусловно приѣмлющіе право и придающіе ему рѣшающее значеніе. Вишнякъ, справедливо отмѣчая игнорированіе конструктивныхъ элементовъ, заложенныхъ въ реформизмъ Бернштейна, непосредственно исходящаго изъ Лассалья, удивляется, однако изъ виду, что другая мощная струя эволюціонизма исходитъ отъ Прудона съ его проповѣдью «экономическаго федерализма», мирно вступающаго въ капиталистическій строй, и что весь конструктивный реформизмъ современнаго большинства «Всеобщей Конфедерации Труда» (а косвенно и «гильдейскаго социализма»), рѣшительно отвергающаго вѣру въ революціонную катастрофу, непосредственно опирается на Прудона. Последнее подчеркивается всѣми непристрастными наблюдателями, прямо указывающими, что Прудонъ «сталъ окончательно современнымъ» съ переходомъ синдикализма на эволюціонистскую базу*). Такимъ образомъ рѣшающимъ момен-

*) См. напр. сборникъ «Proudhon et notre temps», 1920, польск. ред. Буглэ. Реформистскій характеръ ученія Прудона

томъ въ выборѣ между революціонизмомъ и эволюціонизмомъ является не то или иное значеніе приписываемое государству, а пріятіе или отрицаніе права, въ смыслѣ положительнаго правопорядка. Здѣсь лежитъ раздѣльная черта, остающаяся по одну сторону: классическихъ утопистовъ, славнофильствующихъ народниковъ, «научный» марксистскій социализмъ, анархистовъ въ точномъ смыслѣ этого слова, отрицающихъ безусловную обязательность правовыхъ нормъ, по другую сторону — эволюціонно-правовыхъ «конструктивныхъ» социалстовъ, все равно исходящихъ ли они отъ Лассалья (Бернштейнъ и нѣмецкая с-данъ большинства), отъ Прудона (эволюціонные синдикалисты въ разныхъ странахъ) или изъ непосредственныхъ традицій англійскаго «self government» (гильдейскіе социалисты; отчасти примыкающій къ нимъ О. Вагер). Нельзя поэтому не признать одностороннимъ утвержденіе М. Вишняка будто «вся критическая часть конструктивнаго социализма, заостренная противъ немедленнаго социализма генетически и по существу полонитъ на идеяхъ Бернштейна». Источники ея несомнѣнно многообразны и Бернштейнская форма отнюдь не обязательна для эволюціонно-правового социалиста. Но зато Вишнякъ совершенно правъ, когда указываетъ на

уже давно подчеркивалъ Г. Дюги, см. напр., «Le droit social... et la transformation de l'état». 1908, стр. 125-126.

неразрывную связь «конструктивного социализма» и эволюционизма вообще. Что конструктивный социализм и эволюционизм — двѣ стороны одного и того же — самоочевидная аксіома

2.

Мы установили, что пріятіе положительнаго правопорядка, составляющее необходимую предпосылку социализма, само по себѣ отнюдь еще не предѣшаетъ вопроса о роли государства при социалистическомъ строѣ. Формальнымъ критеріемъ отличія государства, какъ одной изъ разновидностей правопорядка, отъ другихъ его разновидностей является надѣленность безусловной принудительной санкціей и ограниченность опредѣленной территоріей. При обсужденіи вопроса объ отношеніи социализма къ государству необходимо строго разграничивать три явственно раздѣльныхъ вопроса: 1) Возможно ли въ исторически обозримой перспективѣ представить себѣ правовое общеніе людей совершенно обходящееся въ извѣстной своей части безъ безусловно принудительной территоріальной организациі? 2) Возможно ли урегулировать хозяйство путемъ безусловно принудительной его организациі, не убивъ жизненнаго нерва хозяйства и не установивъ рабства личности? 3) Если невозможно, то какимъ путемъ слѣдуетъ идти при социализациі и какія измѣненія это должно вызвать въ современной правовой структурѣ и въ частности въ значеніи государ-

ства въ правовой жизни? Вопросы эти можно проще формулировать такъ: 1) Можетъ ли социалистическій строй обойтись безъ государства? 2) слѣдуетъ ли социализацию хозяйства мыслить какъ огосударствленіе? 3) На какихъ началахъ возможно правовымъ образомъ обуздать хозяйство внѣ государства?

Не впадая въ утопическое прекраснодушіе, отъ котораго не могъ отдѣлаться Прудонъ, врядь ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ исторически обозримой перспективѣ правопорядокъ не можетъ реализоваться, не будучи въ извѣстной своей части снабженъ безусловно принудительной санкціей и территоріализованъ и что безъ помощи этой конденсированной части правопорядка, право при современныхъ условіяхъ не можетъ съ достаточной интенсивностью выполнять своей функции устоявленія мира въ общежитіи. Этими элементарными соображеніями дается вполне достаточное чисто правовое оправданіе государству, которое пріемлется какъ исторически необходимая форма реализациі права*), ни въ малѣйшей однако степени не совпадающая съ правопорядкомъ вообще. Такое пріятіе государства совершенно обязательно для правового социализма, поскольку

*) Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что единственной задачей государства является роль «ночного сторожа» охраняющаго право. Государство есть часть правопорядка и какъ

онъ не собирается отрываться отъ реальной исторической почвы, и всякіе поиски «конкретныхъ формъ отмирания государства» — предпріятіе въ обозримой исторической перспективѣ совершенно безнадежное.

Однако, какъ ни бесспорно, что социализмъ ничего не имѣетъ общаго съ «отмираниемъ государства», это ни въ малѣйшей степени не предрѣшаетъ вопроса о роли безусловно принудительной территориальной организации въ социалистическомъ хозяйствѣ. Въ былое время преобладающее большинство социалистовъ, болѣе или менѣе свободныхъ отъ утопизма, всѣ свои надежды въ области социализации возлагало на государство и по существу мыслило социализмъ, какъ необычайное увлеченіе компетенціи и функций государства, — переводъ большинства институтовъ частнаго права въ область публичнаго права, слѣдовательно, какъ усиленіе государственной власти и возрастаніе его мощи. Такой взглядъ означалъ требованіе максимальнаго напряженія государственнаго правотворчества, величайшаго усиленія значенія государства въ правовой жизни, почти-что полнаго поглощенія правопорядка вообще его безусловно принудительнымъ стержнемъ. Сколько ни демократизировать и не децентра-

таковая имѣетъ тѣ же задачи, что и право. Задачи эти положительныя и творческія и имѣютъ отнюдь не одинъ лишь отрицательный характеръ, какъ думалъ либерализмъ.

лизировать внутренней структуры социалистическаго государства, наложеніе безусловно принудительнаго штампа на «общество» и хозяйство этимъ отнюдь не устраняется, и весь современнѣйшій споръ объ отношеніи социализма къ государству въ конечномъ итогѣ сводится къ вопросу, не означаетъ ли «огосударствленіе» губительнаго хозяйственнаго утопизма и опаснѣйшаго для свободы закрѣпощенія и монизации правопорядка, и нѣтъ ли другихъ внѣгосударственныхъ путей для правового обузданія хозяйства (Только закрывая глаза на дѣйствительность и оставаясь глухимъ къ голосу жизни, можно рѣшиться утверждать вмѣстѣ съ Вышнякомъ, что «огосударствленіе, какъ методъ социализации, ничуть не болѣе оказалось скомпрометированнымъ, нежели... демократія, принципъ самоопредѣленія народовъ», самый социализмъ, наконецъ»). Если даже отводить, какъ недоброкачественный, весь русскій коммунистическій опытъ остается нѣмецкая и французская «Kriegswirtschaft», неудачная попытка социализации въ Германіи, безспасе государственнаго аппарата въ дѣлѣ возстановленія разрушенныхъ областей на сѣверѣ Франціи и т. д. Остаются, съ другой стороны, все громче звучащіе лозунги «индустриальной демократіи» — самоуправленія и самоорганизации трудящихся и потребителей предпріятій, лозунги, постепенно превращающіеся въ реальность...

Идеологъ англійскаго гильдейскаго социализма Коль, ут-

верждающий в своих новейших произведениях, что «социализм, возлагающий свои надежды в области обобществления хозяйства на государство и его органы, умерь и похороненъ окончательно»*), выражает решительно настроеніе преобладающаго большинства современныхъ социалистовъ, независимо отъ оттѣнковъ ихъ направленія. Съ нимъ одинаково согласятся, наряду съ большинствомъ англійской рабочей партіи (въ томъ числѣ и Макдональдъ!), умѣреннѣйшіе политически нѣмецкіе социализаторы въ родѣ Cohen'a и Капишскаго (авторовъ «Reichswirtschaftsrat'a») и близкаго имъ буржуазнаго экономиста Вильбрандта, и значительно болѣе лѣвые Штребель и Гильфердингъ, и австрійскіе социал-демократы во главѣ съ Otto Bauer и Французская Всеобщ. Конф. Тр., лозунги которой относительно «nationalisation industrialisée»**) поддерживаются нынче всей французской социалистической партіей. Со своей решительной формулой объ «огосударствленіи, какъ единственно возможномъ методѣ осуществленія социализма», Вишнякъ стоитъ довольно одиноко среди современныхъ социалистовъ, встречаясь развѣ только съ наиболѣе догматически мыслящими «умѣренными» марксистами, типа нашихъ русскихъ

меньшевиковъ изъ «Соціалистическаго Вѣстника», врядъ ли къ большой своей радости...

Долженъ прямо сказать, что въра въ «государственный» социализмъ, въ возможность и цѣлесообразность регулированія хозяйства путемъ безусловно-принудительной властной организаціи и возведенія большинства институтовъ частнаго права въ область права публичнаго представляется мнѣ, вслѣдъ за скепсисомъ къ праву наиболѣе утопическимъ моментомъ въ «старомъ социализмѣ». Думаю, что этотъ грѣхъ до сихъ поръ, несмотря на все новѣйшее стремленіе къ этому, не преодолѣнъ еще въ достаточной мѣрѣ въ социалистическомъ сознаніи и что «насыщеніе социализма новымъ духомъ» должно состоять въ дѣйствительномъ и окончательномъ, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, освобожденіи социализма отъ въры въ государство, какъ «добраго хозяина», освобожденіи, возможномъ лишь на почвѣ новой положительной конструкціи внѣгосударственнаго правового обузданія хозяйства. Въ указаніи на вредность растворенія «общества» въ «государствѣ», безусловно властнаго регулированія хозяйства, — относительная правда либеральной критики социализма. Ошибки либеральной критики социализма начинаются тамъ, гдѣ либерализмъ, исходя изъ своего индивидуалистически-механистическаго взгляда на право и общество, утверждаетъ, что, кромѣ государственно-правовой и индивидуально-правовой (съ точки зрѣнія разобщенныхъ

*) См. нѣмецк. перев. G. D. H. Cole, Selbstverwaltung in der Industrie, 1921, стр. 2.

**) См. мою статью въ «Современныхъ Запискахъ», № XXIV, стр. 424 и слѣд.

центровъ) нормировки хозяйства, никакихъ другихъ способовъ регулированія хозяйства не дано. Такой взглядъ игнорируетъ богатѣйшую «соціально-правовую» структуру общества, противопоставленнаго государству, наличие въ т. н. современном частномъ правѣ сложнѣйшей системы полупринудительныхъ и условно властныхъ «частныхъ соціальныхъ правопорядковъ», въ видѣ союзно-товарищескаго статутарнаго права, хозяйственнаго (профессіональные союзы, биржи труда, кооперативы, союзы предпринимателей, акціонерныя общества, тресты, тарифныя объединенія и т. д.) и нехозяйственнаго типа (просвѣтительные союзы, научныя общества, университеты въ Америкѣ, релігіозныя ассоціаціи, гимнастическія и спортивныя объединенія и т. д.) права промышленныхъ и торговыхъ предприятий*), семейнаго права и др.

Подмѣнивая идею *цѣлаго* вообще и въ частности *правового цѣлаго* идеей государства, разсматриваемаго какъ увеличенный въ лупу индивидъ, сторонники государственной социализаціи по существу повторяютъ наизнанку ту же ошибку либерализма; они не понимаютъ, что внѣгосударственная общественность, отнюдь не совпадаетъ съ индивидуально-правовымъ регулированиемъ, а содержитъ въ себѣ сложную связь правовыхъ цѣлыхъ, значеніе

*) См. особенно Л. С. Таль, Трудовой договоръ, т. II, 1918: Внутренній порядокъ хозяйственныхъ предприятий.

которыхъ можетъ быть необычайно усилено путемъ представленія нѣкоторымъ изъ нихъ автономнаго «соціального самоопредѣленія въ области права»*); непосредственно и планомѣрно творя внѣгосударственное объективное социальное право и самодѣтельно управляя его реализаціей, подобныя правовыя цѣлыя, при интенсификаціи ихъ значенія и социальноравовой ихъ связи между собой, въ состояніи правовымъ образомъ урегулировать хозяйство, не прибѣгая непосредственно къ безусловно принудительному государственному аппарату. Короче говоря только осознаніе, что понятіе *соціальнаго права* несоизмѣримо шире государства и распространяется на противопоставленное ему «общество» и что существуетъ множество внѣгосударственныхъ проявленій социальноравового регулирования**), въ состояніи, по моему

*) Выраженіе проф. Зинцгеймера; см. его изслѣдованіе «Ein Arbeitstarifgesetz. Die Idee der sozialen Selbstbestimmung im Recht», 1916, въ особ. стр. 179 и слѣд.

**) Идея эта особенно энергично развивавшаяся у Гирке, неоднократно высказывалась и до него (еще нѣмецкими теоретиками «естественнаго права союзовъ» *Неттельбладтомъ* и *Агенваллемъ*, со школой ихъ, затѣмъ *Бэрромъ*, *Модемъ* и *Безелеромъ*) и послѣ него, въ независимой отъ него формѣ (срв. изъ новѣйшихъ: *Юнга*, *Межлени*, *Нейбекера*, *Зинцгеймера*, *Талья*, *Дюги*).

убѣжденію, вплотную подвести къ рѣшенію проблемы правовой конструкціи социализма. Очевидно, что при социалистическомъ строѣ роль внутригосударственного союзно-товарищескаго социальнаго права (трудящихся и потребителей), при помощи котораго должна будетъ быть произведена социализация и «объективирована собственность»*), не можетъ не подвергнуться существенно измѣненію по сравненію съ современнымъ его положеніемъ; изъ подчиненной системѣ частнаго права разновидностей его, социальное право должно превратиться въ самостоятельную систему права, занимающую независимое положеніе и по отношенію къ публичному и по отношенію къ частному праву и дѣйствующую своими особыми, ей одной присущими, методами.

Социализация есть раскрытіе вънутригосударственнаго союзно-товарищескаго социальнаго права производителей и потребителей отъ рабства у частнаго права и, именно благодаря этому раскрытію, — противопоставленіе социальнаго права праву публичному въ качествѣ отъ него независимаго самодовлѣющаго правопорядка. Социальное право при социалистическомъ строѣ не будетъ ни публичнымъ, ни частнымъ правомъ: оно будетъ независимо отъ этого дѣленія и въ этомъ

*) По удачному выраженію С. I. Гессена, см. его статью «Проблема правового социализма», «Совр. Записки» № XXIII, стр. 333.

именно будетъ состоять специфичность его положенія по отношенію къ государству*). Это положеніе позволитъ ему развить всю ту степень власти, на которую вообще способны организаціи не безусловно принудительнаго типа и примѣромъ которой въ наше время служатъ новѣйшіе институты международнаго права (международное право — одна изъ разновидностей вънутригосударственнаго социальнаго права), въ частности — Лига націй...

Въ своей книгѣ «Конструктивный Социализмъ» В. Черновъ, конечно, весьма неточно выражается и запутывается въ юридическихъ противорѣчіяхъ, когда полагаетъ, что сущность социализации будетъ заключаться «въ облеченіи частно-правовыхъ по своему происхожденію союзовъ публично-правовыми функциями и что при социализации будутъ сниматься твердые межевые знаки отдѣляющіе сферу публичнаго и частнаго права**). Хотя облеченіе пу-

*) Извѣстную апологію представляетъ въ настоящее время «церковное право» (социальное право церкви) въ особенности римско-католической, по отношенію къ которой большинство юристовъ считаетъ непримѣнимымъ дѣленіе на право публичное и частное.

***) Последнее выраженіе Черновъ заимствовалъ изъ довольно сумбурной терминологіи французскихъ солидаристовъ, у которыхъ оно означало весьма невинную вещь: требованіе развитія государственнаго законодательства по охранѣ труда...

блично-правовыми функциями общественныхъ союзовъ вовсе не всегда равносильно ихъ превращенію въ обыкновенныя государственные органы, напоминая, напримѣръ, проблему юридической природы *местныхъ органовъ* (территориальнаго самоуправления), которые обладаютъ природой несомнѣнно значительно отличной отъ непосредственныхъ государственныхъ органовъ (въ усиленной степени это относилось бы къ органамъ персонально-профессиональнаго или персонально-национальнаго самоуправления!), однако подобное обличеніе означало бы приданіе этимъ союзамъ и ихъ мѣропріятіямъ въ области хозяйства безусловно-властнаго принудительнаго характера и дѣйствительно должно было бы приводить къ немногимъ менѣе пагубнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ прямое «государствленіе». Поэтому социальное право при социалистическомъ строѣ не должно быть превращено въ право публичное, а должно лишь перестать быть правомъ частнымъ, построеннымъ по апологіи чисто имущественныхъ отношеній, и стать лишь самимъ собой. Дѣленіе на право публичное и частное въ полной мѣрѣ останется въ силѣ, съ тѣмъ лишь видоизмѣненіемъ, что изъ частнаго права будутъ изъяты возникающія на хозяйственной почвѣ властныя отношенія между людьми и частное право дѣйствительно будетъ болѣе или менѣе точно сосредоточено вокругъ индивидуально-правовой регуляции. И лишь въ переносномъ и не вполне точномъ

смыслѣ можно будетъ сказать, что социальное право, раскрытое изъ своей зависимости отъ частнаго и публичнаго права по отношенію къ себѣ и внутри себя будетъ снимать межевые знаки, отдѣляющіе эти двѣ области права, зависимаго отъ государства. Въ выдѣленіи изъ тисковъ государственнаго правотворчества и государственной администраціи союзно-товарищескаго социальнаго права, въ качествѣ самодовлѣющаго круга правового обузданія хозяйства, построеннаго на автономномъ социальномъ самоопредѣленіи въ области права, и умножающаго, а не монизирующаго правопорядки, адресатомъ которыхъ является личность, несравненно болѣе реальная и принципиальная гарантія «противъ вырожденія социалистическихъ институтовъ въ институты полицейско-коммунистически-наторжные», чѣмъ одно лишь формальное сохраненіе исторически подвижнаго и зависимаго отъ воли государства дѣленія на право публичное и частное.

Остается послѣдній вопросъ. Совмѣстимо ли раскрытіе социальнаго права трудовой общественности и признаніе его самостоятельнаго значенія на ряду съ правомъ публичнымъ и частнымъ съ бытіемъ государства, и если совмѣстимо, то какія видоизмѣненія это должно вызвать въ структурѣ послѣдняго. Подобная совмѣстимость врядъ ли можетъ сама по себѣ вызвать принципиальныя сомнѣнія, особенно если напомнить, что социальное право христіанской церкви (капо-

ническое право) — и в этом характернейшая особенность государства новой эры по сравнению с античным — постоянно сохраняло и продолжает сохранять свою самочинность по отношению к государству*).

Дуализм государства и церкви, ограничение государственного правопорядка правом религиозной общины, последний корень всех либеральных и демократических преобразований государства, всего учения об ограниченности государственной власти правом. Если государство, не разрушая себя, а лишь совершенствуясь в этой связи, могло терпеть и продолжает терпеть внутри себя наличие социального права в одной области, где основания для утверждения невозможности этого в другой

*) Средневековая борьба между духовной и светской властью глубоко потрясавшая политическую жизнь того времени, была борьбой между двумя образованиями государственного типа: Священной Римской империей и Церковью, пригвазавшей на безусловно-принудительное господство в светских делах. Самочинность канонического права при этой борьбе не становилась под сомнение и не устранилась с победой светской власти. Видоизменение произошло лишь с реформацией, которая в своих цезаропапистских течениях превратила некоторые части канонического права в право публичное. Другая часть и здесь осталась самостоятельными.

области, в области обузданного, при помощи самодовлеющей трудовой общности, социалистического хозяйства? Даже если быть безусловным сторонником учения о внутреннем суверенитете государства и притом толковать его как невозможность его рядоположенности в каком бы то ни было отношении с другими общественными организациями, то выделение самодовлеющего круга социально-правового регулирования хозяйства легко юридически сконструировать, как результат добровольного самоограничения суверенного государства в области правотворчества. На эту точку зрения становится, например, известный идеолог «социального самоопределения в праве», один из крупнейших немецких теоретиков рабочего права — Зиндгеймер, признающий, что и в области автономного социально-правового регулирования, государство должно сохранять свое верховенство, проявляя его в тройкой форм: оно устанавливает посредством публично-правовых безусловно принудительных законов предель действия социально-правовых норм, оно определяет условия их возможности и юридической силы и надзирает, чтобы самостоятельное правотворчество социальных образований оставалось в отведенных ему пределах*). При таком взгляде утверждение автономного круга социально-пра-

*) Срвн. Зиндгеймер, *op. cit.* стр. 190 и слѣд.

нового регулирования хозяйства не должно вызывать никаких изменений в современной структуре государства и в обычном понимании внутреннего суверенитета государства. Менее всего, конечно, подобное сокращение предельно государственного правотворчества может явиться первым шагом к «обезгосударствлению государства» и к ограничению его суверенности.

Другой, однако, вопрос, правильно ли вообще упомянутое понимание суверенитета, во-первых, и, во вторых, достаточно ли при действии автономного социального права лишь в пределах отведенных ему суверенной государственной властью, гарантируется та полнота его самодовольствия и относительной власти, при которой оно независимо от государственного вмешательства и не смешиваясь с публичным правом, было бы в состоянии социализировать хозяйство. Ответ на последний вопрос выходит за пределы настоящей статьи, не ставящей себе задачи положительной конструкции социализма и лишь отстаивающей необходимость искать решения проблемы социализации хозяйства на путях внешнего государственного правового регулирования. Отмечу только, что и в том случае, если решать последний вопрос в смысле отрицания верховенства государства над социальным хозяйственным порядком, государственная идея отнюдь в своем принципе не подрывается. Происходит лишь изменение в

структуре современного государства, вполне совместимое с правильно истолкованным понятием суверенитета. По существу «суверенитет», если освободить это понятие от ложных толкований, никогда не означал ничего иного как отношение между государственными и государственно-образными правовыми порядками, именно отношение одного государственного правового порядка ко всем другим образованиям во вне и внутри, претендующим на безусловно принудительный характер. Суверенитет во вне всегда означал независимость государства от другого государственного образования (т. е. множественность государственных правовых порядков), суверенитет внутри — недопустимость на территории государства других образований государственного же типа. Но суверенитет во вне вовсе не означает независимости государства от не государственных правовых общностей, например от международного правового порядка и международной правовой организации*), суверенитет внутри — верховенства государства над правовыми организациями, не обладающими характером безусловной принудительности. Коротко говоря, понимание суверенитета как относительной категории непосредственно приводит к заключению, что суверенитет во вне и внутри

*) См. подробно в моем курсе «Введение в общую теорию международного права». Прага, 1923, вып. I, стр. 39-92.

всегда означает независимость и верховенство государства лишь «*въ предѣлахъ собственной своей правовой сферы*»*), т. е. *въ области проявленія безусловно-принудительнаго властвованія*. Слѣдовательно, самодовлѣющей кругъ социально-правового регулированія хозяйства, поскольку онъ не претендуетъ на безусловно-принудительное властвование, можетъ въ предѣлахъ своей сферы утверждать полную свою независимость отъ внутренняго государственнаго верховенства, не нанося никакого удара «суверенитету государства» и не разрушая его. Конечно, государство, какъ безусловно принудительная территориальная организація, «не растворимо въ другихъ формахъ» правового общенія и, качественно отличаясь отъ нихъ своей структурой, не можетъ быть «уравнено» съ ними. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что ему долженъ принадлежать *пріоритетъ* надъ другими формами правового общенія и что будучи въ какихъ либо отношеніяхъ поставлено рядомъ съ другими формами оно должно неизбѣжно оказаться выше или ниже ихъ; именно, поскольку другія формы правового общенія не обладаютъ безусловно принудительной властной организаціей, послѣднее вовсе не неизбѣжно и не вытекаетъ съ необходимостью изъ существа дѣла. Только приписывая суверенитетъ не государственному *правопорядку*, какъ таковому, а

нѣкоей фактической социальной мощи стоящей *надъ нимъ*, логически необходимо придти къ выводамъ, которые вслѣдъ за традиционнымъ мнѣніемъ дѣлаетъ Вишнякъ. Но такого рода проецированіе суверенитета въ социологическую область рѣшительнѣйшимъ образомъ испровергнуто новѣйшимъ государствовѣдѣніемъ, какъ опаснѣйшая методологическая ошибка имѣющая роковыя послѣдствія для всей конструкции государственнаго права*). Предразсудокъ легистовъ, будто «юридической основой возникновенія правовыхъ группировокъ» является государство, его воля и его разрѣшеніе, также нужно считать окончательно преодоленнымъ современной наукой права, въ качествѣ дурного наслѣдія «государственной теоріи права» и однобокой романтики. Напротивъ, въ настоящее время пользуется почти что общимъ признаніемъ, что юридическія лица, а тѣмъ болѣе правовыя группировки вообще, обладаютъ *правовой реальностью*, независимой отъ государства и подвергаемой лишь воздействию со стороны послѣдняго...**).

*) Срвн. исчерпывающее изложеніе этого вопроса у H. Kelsen, *Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts*, 1920, стр. 1-85, и еще раньше у Krabbe, *Die Lehre von der Rechts Souveränität*, 1906.

***) См. подводящую итоги, фундаментальную работу R. Saleilles, *De la personnalité juridique*, 1910 срвн. въ особ. 617-619, 589 ff, 533 f, 220 f, 55 f, и passim.

*) Сравни. Ebers, *Die Lehre vom Staatenbund*, 1910, стр. 275 и слѣд.

Если полное раскрытіе известныхъ областей соціального права изъ подъ верховенства государства отнюдь не должно приводить къ подрыву государственной идеи и къ уничтоженію правильно понятаго государственнаго суверенитета, то все же безспорно, что оно должно было бы привести къ болѣе или менѣе существенной перестройкѣ современнаго государства. Измѣненіе это, которое должно было бы заключаться въ безповоротномъ отреченіи государства отъ нѣкоторыхъ своихъ современныхъ функций въ пользу союзно-товарищескихъ организацій, въ широчайшей «синдикализации администраціи» (выраженіе Леона Дюги!), во введеніи внутрь политической организаціи началъ «персональнаго федерализма» (національнаго и профессиональнаго характера), въ частности корпоративнаго представительства реальныхъ интересовъ, въ качествѣ «органа смычки» между государствомъ и хозяйственной организаціей, предсказывается нынче цѣлымъ рядомъ выдающихся современныхъ государствовѣдovъ*), не имѣющихъ прямого отношенія къ социализму. По существу эта перестройка государства шла бы въ сторону созданія известнаго равновѣсія между безу-

*) Впервые это мнѣніе было высказано Л. Дюги въ рядѣ работъ; теперь къ нему рѣшительно присоединился Grabbe въ новой книгѣ: «Die moderne Staatsidee», 1919; далѣе Вольцендорфъ, Гобсонъ, Татаритъ-Тарнгайденъ и многіе другіе.

словно принудительными и не принудительными формами правового общенія, — равновѣсія, при которомъ политическая и экономическая организаціи могли бы взаимно ограничивать и оставивать другъ друга... Совершенно безспорно, что конкретная организація таковаго строя таитъ въ себѣ громадную трудность, предполагая сложную систему органовъ взаимодѣйствія, взаимовосполненія и регулированія конфликтовъ. Однако ее невозможно признать юридически противорѣчивой и наклонной въ сторону анархизма. Государство, и при этой своей трансформации, остается неприкосновеннымъ, въ качествѣ безусловно-принудительновластнаго территориальнаго союза, и именно въ этомъ своемъ качествѣ предполагается расцвѣтющимъ, благодаря перестройкѣ, съ новой силой.

Въ концѣ своей статьи Винякъ сочувственно цитируетъ слова Лассалля, опредѣляющаго государство какъ «единство индивидовъ въ системѣ моральнаго цѣлаго» и возлагающаго на него всѣ надежды въ области культурнаго творчества. Подобное отношеніе къ государству замѣтено Лассалемъ у Гегеля, съ его преклоненіемъ передъ государствомъ какъ «дѣйствительностью нравственной идеи» и «путемъ Бога на землѣ». Отождествленіе моральнаго цѣлаго съ государствомъ, на службу коему обращается право и всѣ вообще культурныя цѣнности, — ошибка*),

*) Срв. характеристику со-

от которой былъ свободенъ первый философскій преодолитель либерализма и индивидуализма въ новое время, бывший одновременно родоначальникомъ современнаго социализма — Г. Фихте. Фихте постоянно указывалъ, что нравственное цѣлое отнюдь не совладеваетъ съ безусловно принудительной государственной организацией и что высшими формами его эмпирическаго проявленія являются нація, человечество, трудовая профессія и семья. Правó,

по Фихте, есть только средство на службѣ у нравственныхъ цѣлыхъ, а государство лишь одинъ изъ возможныхъ и исторически необходимыхъ методовъ реализаціи права. Такой взглядъ, вбирающій въ себя и правду либерализма, несомнѣнно болѣе соответствуетъ объективистической идеологии социализма, чѣмъ работѣ передъ государствомъ, какъ высшей формой человѣческаго общенія.

Доц. Г. Д. Гурвичъ.

Соціалистическое Государство или Соціальное Право

Въ прямой связи съ темой, которой посвящена выше статья «Возрожденіе», стоитъ теоретическая проблема, выдвинутая статьей Г. Д. Гурвича, — частично въ полемической противъ меня формѣ.

Заглавіе статьи Г. Гурвича — «Государство и Соціализмъ» — уже предмета, который въ ней трактуется. Статья говоритъ объ отношеніи социализма къ государству и къ праву. Но ея стержень и логическій центръ въ другомъ: въ опредѣленіи взаимоотношеній между правомъ и государствомъ, въ возобновленіи стараго, насчитывающаго уже вѣка, спора о

ответствующей идеологии у *Radbruga* въ «*Kulturlehre des Sozialismus*», 1922 и въ «*Grundzuge der Rechtsphilosophie*», 1914.

томъ, что чему предшествуетъ и что чѣмъ предполагается: государство ли предполагаетъ право или право предполагается бытіе или идею-государства?

Отсюда ясно, что трактуемая Гурвичемъ тема есть прежде всего и по преимуществу тема юридическая, важная и дорогая сравнительно для узкаго круга социалистовъ — *doctrina utriusque juris* — и въ подробностяхъ подлежащая обсужденію на страницахъ спеціального, а не общаго журнала. Мнѣ приходится, поэтому, ограничить свой отвѣтъ на замѣчанія Г. Д. Гурвича самымъ необходимымъ и общимъ, соприкасающимся непосредственно съ общественно-политической проблематикой. Предлагаемая свои соображенія въ по-